

Сергей Торопцев

ВЗЫСКУЮЩИЙ ГРАДА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

независимый издательский проект
«Даркемен»

18+

Сергей Торопцев

Взыскующий града

«Автор»

2026

Торопцев С.

Взыскующий града / С. Торопцев — «Автор», 2026

Провинциальный врач Владимир Гаврилович Богов пытается раскрыть тайну многолетней давности, связанную с его пациентом — единственным выжившим после загадочного пожара в сельской школе, в результате которого пропали несколько детей. Расследование приводит доктора к опасной правде, которая ставит под угрозу его собственную жизнь.

© Торопцев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая	10
23	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Взыскующий града

Глава

*Истина – это ловушка: невозможно обрести ее,
не попав в нее; обрести истину нельзя, захватив ее,
а можно, лишь будучи захваченным ею.*

Серен Кьеркегор

Об одном только можем мы просить и одного
требовать, а именно: чтобы не судить о вере,
которую мы исповедуем, по нашим делам.

А. Хомяков – У. Палмеру, письмо II, 1845

Когда-то давно ее называли не иначе как Красавица. Редкий пеший люд или проезжавшие верхом немногочисленные всадники, никуда не торопившиеся аль спешащие по делам, в разные времена, одинаково останавливались на берегу, замирали и подолгу вглядывались в открывшуюся им картину. На противоположной стороне озера, словно чудесное наваждение, мираж, возникший от волн жаркого воздуха летом или крупинки снежной поземки зимой, возвышалась маленькая красивая деревня.

- Нет, ну бывает же на свете такая красота! Что в ней? Ну, вот такая она... Этакая. Не сумею я вам сейчас выразить словами...Особенная, что ли. Будто бы и не строили ее кривые мужицкие лапы, а выросла деревушка сама по себе, после теплого божьего дождичка!

- Маленькая, значит, да ладная. Ни одного худого домишка. Возвышается над широко разлитой водой. Стоит на пригорке возле чистого, светлого озера. И прозвание у нее звонкое, непривычное. Слишком ласковое, для здешних суровых мест имечко.

- Попутчики мои ажно перекрестились. А мне вдруг, сударь мой, так захотелось там остаться! Перебраться вплавь на противоположный берег, и пропасть бесследно. Раствориться в той особенной красоте.

- Какое имя-то?

- Забыл. Представляете, запамятовал! Ничем оно вроде не примечательное. Такое себе имя... Будто послышался колокольчик в дали. Ты идешь, ищешь его, а он тебя морочит, то спереди, то сзади окликает!

Да бог с ним, с именем. По красоте по той я тоскую! До сих пор снится деревня мне. Попутчики мои вперед поехали, я же, пообещав их нагнать, поближе к водной кромке спустился. Напиться подошел, в отражении деревню увидел, так еще час не мог с места сдвинуться! Тут уж мне и звон колокольный почудился, и все стариковские рассказы о граде Китеже враз припомнились!

Старожилы сказывали, что первые дома в деревне ставили еще беглые раскольники – беспоповцы. Добрегли беглецы до малых сибирских озер, выкуренные из сырых уральских пещер, но пока еще не отчаявшиеся отыскать себе убежище на поверхности грешной земли.

Жили себе жили, да потом через какое-то время, в одночасье, пришлось им бежать от преследователей дальше. Ушли, стало быть. Оставили после себя пустые избы, крепкие заборы, глубокие подполы да прозвание «двоеданы» — для всех следующих поколений деревенских обитателей.

- Кто и когда занял пустующие дворы? На этот счет точные сведения в документ никем не оформлены. Пришли без свидетелей. Заняли не при нас. Невозможно было такому добру пропадать! Немыслимо.

Место для жительства временные поселенцы выбирали со знанием дела. Из деревни просматривалась вся ближайшая округа. Подъехать к ней в те времена было возможно только с одной стороны. На другом берегу озера, возле леса, первопроходцы оставили деревянную моленную да несколько могил, наказав покойникам сторожить поселение до возвращения настоящих хозяев. Поодаль от разрушающейся часовни никониане позже возвели для себя небольшой каменный храм. Прошли годы. Погост со временем разросся за счет вновь прибывших, навсегда примиряя непримиримых противников.

Церковь та, впрочем, теперь тоже давно стояла порушенная. Первые советы сбросили колокол. Заколотили наглухо вход, ободрав и вынеся, прежде все, что было возможно. Позже, в гражданскую войну, одну из стен пробил прилетевший шальной снаряд — бои шли неподалеку. Неразорвавшаяся, безмозглая болванка стала в суровые годы единственным приветом местным жителям от сотрясающегося большого мира. Маленькая деревня-то и не на всех картах была обозначена. Активные строители новой жизни в этих краях обычно выбирали места с другими названиями. Орликово. Ленинск на Камне. Красноорлово. Там было пространство развернуться, проявить способности. Здесь же, как правило, всегда стояла тишина. Сюда редко долетали звуки стучавших день и ночь пламенных моторов, и опасные искры от них, несущиеся по ветру, чаще всего гасли на полпути.

Когда в округе организовывали колхозы, долго думали, как деревню переименовать, но оставили как есть. Деревня...

- Тьфу! Поповское всё-таки какое-то прозвание, гнилое!

- Да пусть будет, хрен бы с ним. Все привыкли!

Красноорловского коллективного хозяйства. Приезжавшие сюда колхозники с тоской поглядывали за озеро. Всего в четырех километрах, за лесом, даже воздух был другим — бодрым, побуждающим к новым свершениям. Здесь же приезжих гостей, как правило, тянуло в сон. Народ окрестный болтал про деревенских жителей всякое.

- Вот сколько у нас в колхозе на сто пятьдесят человек будет увечных? Ну, один-другой. А у них на тридцать-сорок жителей без счета калек. Однорукие, одноногие, слепые, беспальные. Есть даже, судачат, мужик без хера!

- Да ну?

- Точно! Старики говорили — проклятое там место.

- А кто его клял? За что кляли?

- Кто знает! «Преданья старины глубокой...»

- Деды дело говорили! В прежние времена никто никого зазря не клял. Как местные там живут? Нет, люди, конечно, хорошие! Наши люди, советские. Хоть бы и без хера. Никому два раза повторять ничего не надо. Потребители крепкого самогона отсутствуют как выраженный класс. Трудятся беззаветно, как и следует работать гражданам молодого рабоче-крестьянского государства. Но только трудодень закончат, шасть к себе за заборы — и тишина. Такая тишина! Как в могиле. Двоеданы чертовы! Ну, давайте хоть избу читальную им там поставим. На две комнаты! Зачем такую большую? А комсомольцы наши красноорловские,

опять же, будут к ним ездить. Где им агитацию казать, самодеятельность? Киноустановка, запишите, пусть теперь чаще туда заворачивает...

- Детей вот у них мало...

- Что?

- Детей там, говорю, два с половиной человека.

- А чего у них мужики на бабах делают? Те, у которых всё на месте. Молятся? Может, и такое. Они же все там намоленные – просмоленные – черным заговором заговоренные! Восемь мужиков на войну ушли, восемь вернулись! Где еще подобное видано было? Пять похоронок пришло, и все эти пятеро после войны, кто через год, кто через два, все равно назад возвратились!

- Мне мать рассказывала, а мою мать вы все знаете, она бы пустяковину никогда вслух не произнесла. Значит, ребята там рождаются сразу особенные. Они растут вдвое дольше обычных детей. Она сама видела, своими глазами, как за десять лет паренек Половниковых практически не изменился. Попробуй, прокорми такого! Вот потому детей семьи и не заводят!

- Ерунда какая-то...

- Да сам ты ерунда!

Деревня меж тем жила себе да жила, равнодушная к пересудам чужих людей.

- Слышала кума, что про нас толкуют?

- Ну, слыхала. Вам это на самом деле важно? Эх вы, людишки-людишки!

Из девчонки деревня превратилась в молодку, а потом потихоньку, согласно закону жизни, и в старую деву. Гордую молчунью с поджатыми губами, никому не показывающую своих разочарований. Она знала, для чего существует, а люди... ну что ей эти люди? Сколько она их перевидала!

Человек создание слабое. Человечку дай покой, дай достаток, так и не поймешь, во что он превратился. И названия этому никакого не придумаешь! Ничего нет хуже сытого, покойного времени! Гордеет от него человек, начинает пускать корни, хочет подольше задержаться на земле. Гонит от себя мысли, что он никто, ищет смысл. А уж, коли о смысле разговор зашел, пиши – пропало...

- Между нами говоря, товарищи члены первичной парторганизации, борьбу за нового советского гражданина мы с вами проиграли!

- Кому проиграли? Америке?

- Чего? Фуерике! Прошу прощения, не сдержался! Между прочим, ничего смешного. Довели! Суевериям проиграли. А еще старому укладу. Деревня эта красноорловская, проклятая, вечным бельмом будет в наших глазах цвета алого знамени. Как существовали они своей первобытной общиной каменного века, так и до двадцать шестого съезда Коммунистической партии дожили. И ничто мы с вами поделат не смогли. Вот давайте коснемся факта присутствия номерного фонда. Про что я? Про номера на домах. Мы им номера вешаем, они снимают! И ничего мы поделат не можем! Пишите им «на деревню дедушке», пятый дом со второго конца. Нет, на сегодня мы не закончили. Раз пошла такая пьянка, поднимем еще один важный вопрос. Почему путевка во всесоюзный лагерь «Орленок» пропала, нам доложит товарищ Ястребова. Заболела? Надеюсь, это не помешает нам объявить ей строгий выговор? Оправдания не принимаются, товарищи общественные защитники. Это была ее идея вручить путевку кому то из деревенских детей. В отчетах этот факт не упоминайте. Как я в райкоме

буду людям в глаза смотреть? «Родители не отпустили», – это вообще не объяснение. Плохо работаем, товарищи, просто отвратительно! Всего вам хорошего, заседание закончено!

Юрий Вилорович, задержитесь на минуту, пожалуйста. Присядьте. Вот скажите, вы не замечали примеров саботажа распоряжений руководства? Про то я, что несколько наши товарищей, не хочу сейчас произносить эти имена, будто бы симпатизируют этой деревне. Я специально посмотрел отчеты. Ни одно из решений не было доведено до исполнения. Как думаете, это они из-за идеологической слепоты, или, может, корысть какая? Да хотел бы я ошибаться, очень хотел. Я, конечно, не старожил. Человек, можно сказать, в этих местах новый и порядков здешних, во всей полноте, знать не могу...

Ему не стоило большого труда убедить детей, в последнее время они на все безропотно соглашались, но когда пришло время отправляться в путь, он понял, что дети очень боялись предстоящей процедуры.

Ну ладно, я понимаю малышей. А чего трястись опытным, прошедшим закалку школой, ребятам? Видимо, за компанию. Иначе этот феномен никак не объяснить...

Боязнь боязнь, но пошли все, никто не отказался. Медленно, постоянно оглядываясь, отряд численностью в шесть стриженных голов протопал по пыльной дороге. Ниночка, самая маленькая, всхлипывала каждый раз, когда спотыкалась на изрытой гусеницами тракторов земле.

Гляди ты! Трясется, но упрямо идет вместе со всеми. Малявка, а тоже понимает, что так будет лучше.

Прогулка была недалней. Пространство позади машинного двора, за бочками с солидоллом, он присмотрел заранее. Найти место, где в этот месяц днем не было бы взрослых, непросто. Один раз в году, в августе, деревня становилась непривычно многолюдной. Посторонние, чужие «южные» люди, приезжали сюда на нескольких автобусах. Оккупировали деревню на неделю, или полторы, покуда не управлялись с работой. Ночевали вповалку на матрасах в клубе или в школе. Хорошо хоть без дела не сидели, а значит не слонялись по округе. После трудового дня только о сне и думали.

В августе в деревне стригли колхозных овец, сгоняя стада со всех близлежащих пастбищ. Жалобно блеющих животных со спутанными передними копытами заваливали на бок крепкие руки тех самых съехавшихся на заработки чужаков. Черноглазые мужики, перекликаясь на непонятном гортанном языке, ловко орудуя устрашающего вида ножницами, или большими электрическими машинками, быстро облованивали животное под ноль. Замазывали случайные порезы солидоллом. Развязав, пинками гнали в загон для остриженных. За минуту превращали грозно выглядевшего взрослого барана в голого, худого, дрожащего от злости и унижения подростка.

- Гэлин! Гэт! Нэ бахирсан, эклаф?

Мол, а ну давай! Пошел отсюда! И не гляди на меня так! Урод – в жопе ноги!

Хороший такой чужой язык. Звучный, выразительный. Вечером он специально нашел того рабочего, поинтересовался трудно ли объясняться на чужих языках. Такой красивый язык стоило запомнить, чтобы говорить на нем в новой жизни.

Весь деревенский быт в эти дни концентрировался возле трех стоящих в отдалении от жилых домов больших сараев. Вокруг огромных, пахучих тюков с шерстью ругались и выясняли отношения. Подсчитывали, взвешивали, отгружали сырье на постоянно подъезжающие-отъезжающие машины. Тут же в полдень выбирали из загона жертву – агнца справнее, чем другие. Ощупывали его со всех сторон. Гладили по голове. Восклицали, непонятные слова, поднимая ладони к небу. Резали ему, беззащитному, горло, сливая кровь на землю. Потро-

шили бездыханную тушу. Варили ароматный бараний суп для всей артели. Да что там артель, большинство деревенских насыщались тем супом. А наиболее ушлые еще и на ужин остатки с собой прихватывали, разливая мутный бульон по заранее припасенным бидончикам.

- *А чего? Картохи туда покрошишь, вот тебе и полноценное питание...*

Полдень. Шансов на то, что кто-то из взрослых обратил бы внимание на странную процессию, заинтересовался, окликнул детей, практически не было.

Единственным организационным просчетом было не захватить с собой в чем-нибудь воды. Солнце палит вот уже несколько дней подряд, вокруг нет ни одной лужи. Подумав, он велит всем плевать в стеклянную банку. Стеклышком собирает у детей кровь вокруг порезов, смешивает со слюной. Добавляет несколько щепоток сухой земли, и, строго оглядев всех присутствующих,

смотрите мне, чтобы без соплей,

принимается за дело. Дети терпят. Сжав зубы, стараясь не смотреть на свои раны, ждут окончания процедуры. Все знают, что так надо. Все понимают, в какой они опасности.

Часть первая

Пока по плохой дороге небольшая компания не спеша добралась до маленькой, со звонким ласковым именем деревни, пока помощники сгрузили и занесли в избу гроб, стемнело. Расплатились с «санитарами» заранее, так что те выполнили свою скорбную работу и безмолвно покинули жилище. Однако убрались восвояси они не сразу. Курили у ограды втроем. Спорили, как разделить выручку. Договорившийся с Богом мужик запоздало претендовал на большее, чем у остальных, вознаграждение, гнусаво выпрашивая дополнительный бакшиш.

- Без меня вы бы все равно сегодня ни копейки не заработали...

Товарищи пререкались, а потом все вместе унимали раздраженного незапланированной задержкой шофера.

- Я вот сейчас брошу вас тут! Пешком семь километров, на ночь глядя, отшагать не хотите?

- Тю! Глядите, напугал ежа голой жопой! Денюшки-то, вот они!

- Да ты скорее удавишься, чем без оплаты уедешь! Так что стой молча. Не мешай серьезным пацанам важные вопросы обсуждать!

- Ах ты...

Когда коричневая машина все-таки укатила, оставшиеся в доме люди еще с час сидели молча. Старики Поповы, не видевшие Олега много лет, будто повинность отбывали, ни словом не выказывая родственных чувств. Прямые спины, взгляды в сторону или поверх голов. Разговор первыми не начинали.

Что? А то. Где? Вон там возьмите. Когда? Знать этого мы не можем...

Отвечали односложно и опять замолкали надолго. Когда пришло время собрать ужин, все присутствующие с облегчением спрятались за суетой. За стуком выставляемой посуды, бульканьем в бабкином чугушке, нарезкой хлеба, очисткой наскоро сваренной в мундирах картошки. Только часа через полтора, дед к тому времени употребил пару стаканчиков водки, слова бабки стали складываться в имеющие хоть какой-то смысл, предложения.

- Теперь уже не то, что прежде. Всё по-другому! Сколько ты не был у нас? Больше десяти годочков прошло. Да, дед? Чего молчишь, как сыч? Хоть бы слово сказал ребенку.

Как в девяносто втором совхоз в Красноорлово развалился, так и здесь жизнь, считай, совсем остановилась. Что тебе еще рассказать? Сколько человек осталось в деревне? Меньшиков с женой. Семенова. Сергей Сергеич Онуфриев – Сашкин отец, сосед. Сестры Бобровы. Демидовых мать. Поточка. Ванька Ведемеев. Нинка Добыхиха. Прохоровы, двое. Бабка – казашка. Мы с дедом. Ну и Дарья, конечно. Помнишь Дарью? Ослепла она давно. Говорить то ли не может, то ли не хочет, но так и живет одна в своем доме, упрямая ослица. Дворов много пустых, это да. Скот колхозный сто лет как распродали. Трактора, которые еще можно было использовать, эвакуировали своим ходом. Комбайны старые раскурочили и побросали где попало. Юрченки же! Юрченко Петра еще забыла, курица старая. С того края проживает, с которого вы в деревню въехали. Бобыляет Петро и народа дичится, только с одной Валентиной Меньшиковой и разговаривает. Выпивает, конечно. Много больше вливает в себя, чем приличному человеку положено...

Бог иногда выразительно покашливал в сторону разговарившейся бабки. *Мол, лучше бы ты, старуха, раньше болтала, а сейчас полезнее помолчать. Или про другое. Просили же тебя, говорить медленно и с паузами...* – но всем было сейчас наплевать на Бога.

Какие-то имена Олег, видимо, припоминал, и это было хорошим признаком. Не отрывающий от него взгляда доктор заметил, что один раз у «покойника» приподнялась бровь, а через пять минут тот будто бы многозначительно хмыкнул.

Фамилии, производившие впечатление много лет назад, при жизни, тревожат, получается, и «после смерти». Он реагирует! Если мне не показалось, то это попросту грандиозно!

- Меньшиковы, значит, угорели в прошлую зиму, закрыли рано выюшку. У Семеновой приступ, сердце во сне остановилось. Сергей Сергеевич рубил дрова, колун ему в ногу отскочил. Не довезли до больницы, не успели, истек кровью. Юрченко утонул ночью на озере. Лодка перевернулась, когда сети ставил. Казашке голову проломили, она самогоном торговала. Кто-то из проезжавших через деревню, наверное, не свои... – бабка Анна, спохватившись, что забыла главное, заговорила быстро, поглядывая на насупившегося деда. Рассказала все, как запомнила. Как научил ее сказать этот странный худой человек.

А еще доктор, называется. Что они сделали с тобой, Олежка, в этом своем городе? Живого мертвеца привезли, вот и вправду. Не съел ни крошки, не выпил ни капли.

Олег так и просидел как истукан за столом с отсутствующим видом. Несколько раз он будто что-то хотел произнести, однако то ли дыхания ему не хватало, то ли нижняя челюсть, подвязанная к голове бинтом, была зафиксирована слишком крепко.

- А вы? Как вы умерли? Как ты умер, дед? – это были его единственные слова. Тихие и еле различимые. Прошелестело, а потом треснуло в воздухе. Будто лопнул пролетающий мимо мыльный пузырь, обдав стариков холодными невидимыми колкими каплями.

Дед, не выдержав, шваркнул изо всей силы ладонью об стол, сбросил на пол стакан. Бабка громко заголосила, и в тот момент Богу показалось, что все, к чему они так долго готовились, с трудом договаривались, обсуждая с руганью каждую деталь, пошло насмарку.

23

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.